

Д.В. Балашов

«Вагонетки», «моральные интуиции» и попытка Джошуа Грина обосновать утилитаристскую этику

Балашов Дмитрий Викторович – кандидат юридических наук. НИУ «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ORCID 0000-0001-9427-2039

e-mail: dbalashov@hse.ru

Одним из наиболее важных инструментов исследования, характерным для аналитической англо-американской философии морали второй половины XX – начала XXI в., стал метод мысленного эксперимента, который позволил образно сформулировать ключевые вопросы дискуссии в рамках философской этики. С одной стороны, это способствовало повышению интереса к фундаментальным философским вопросам, а с другой – стимулировало многих философов к поиску решений этих мысленных экспериментов, ставших известными как «моральные дилеммы». Некоторые из таких дилемм отражают сложность ключевых вопросов философской этики и не имеют однозначного решения до сих пор. Ярким примером можно назвать эксперимент, известный как «дилемма вагонетки». В конце XX в. возможности исследования человеческого мозга существенно расширились, что позволило ученым из сферы нейронаук изучить реакцию человеческого мозга на этические мысленные эксперименты. Пионером в данной области стал исследователь Джошуа Грин, инновационные исследования которого выявили механизм реакций человеческого мозга на этические вызовы – для этих реакций Грин использовал обозначение «моральных интуиций». Грин также установил, что мозг человека реагирует на моральные вызовы двумя способами: *автоматически*, по эволюционно заложенной простой программе, и *рационально*, на втором, более сложном уровне осмысления. Именно второй *рациональный* уровень мышления, схожий с утилитаризмом, Грин положил в основание нормативной концепции, названной им «глубоким прагматизмом». Можно сказать, что «глубокий прагматизм» стал новой попыткой обосновать утилитаристскую этику. В настоящей статье рассматриваются основные положения теории «моральных интуиций» Грина, концепция «глубокого прагматизма», а также намечаются направления критики концепции

«глубокого прагматизма» и те проблемы, которые ставят исследования Грина перед философией морали.

Ключевые слова: утилитаризм, мысленный эксперимент, «дилемма вагонетки», моральные интуиции, «глубокий прагматизм», «гильотина Юма»

Введение

Одной из характерных особенностей аналитической философии морали является широкое использование метода мысленного эксперимента. Вероятно, самым известным примером таких экспериментов является «дилемма вагонетки», которая широко известна и за пределами философии. «Дилемма вагонетки», несмотря на свою кажущуюся простоту, породила ряд проблем, ответы на которые не найдены до сих пор.

Одним из тех, кто посвятил себя исследованию этих проблем, стал американский психолог-экспериментатор, нейробиолог и философ Джошуа Грин. В итоге его многолетней работы возникли объяснение того, как работают «моральные интуиции», и созданная на основе этого объяснения нормативная этическая теория «глубокого прагматизма» (deep pragmatism), которую можно считать новым способом обоснования утилитаризма.

В начале статьи мы рассмотрим концепцию «моральных интуиций» Грина, которую в зависимости от контекста будем именовать также «дуальная модель человеческой психики» или «теория двойного процесса»; затем – перейдем к нормативной теории «глубокого прагматизма» и сосредоточимся на ее критике; в завершающей части статьи – обозначим сложности, которые возникают при переходе от дескриптивных к прескриптивным теориям морали, а также те вызовы этической мысли, которые бросает дескриптивная теория Грина.

Раздел 1.

«Моральные интуиции» и теория «двойного процесса»

Моральные интуиции

Для того чтобы пояснить теорию двойного процесса, лучше всего обратиться к двум мысленным экспериментам, с которых начал свое исследование Грин. Первый – это уже упомянутая классическая «дилемма вагонетки», которую Грин в своих работах называет «дилемма переключателя» (the switch dilemma) [Greene, 2013, 115], второй – видоизмененная классическая дилемма, которую Грин называет «дилемма пешеходного моста» (the footbridge dilemma) [Ibid., 113–114].

В первом случае потерявшая управление вагонетка движется по рельсам, к которым прямо по пути ее следования привязаны пять человек. Если ничего не сделать, они будут раздавлены вагонеткой и погибнут. Но вы можете изменить это, если переключите рычаг стрелки, после чего вагонетка направится

на боковой тупиковый путь. Однако, посмотрев на боковой путь, вы видите, что на нем находится один человек, также привязанный к путям. Переключение стрелки вагонетки повлечет за собой гибель этого человека. Как вам следует поступить? Решение данной дилеммы различными людьми было подробно исследовано путем многочисленных опросов, и, как отмечает сам Грин [Greene, 2013, 116], примерно 2/3 опрошенных считают допустимым переключить стрелку и спасти пять жизней ценой одной.

Другой мысленный эксперимент – «дилемма пешеходного моста» – сформулирован следующим образом. Вы находитесь на пешеходном мосту над железной дорогой. С моста вы замечаете, что по рельсам с одной стороны мчится потерявшая управление вагонетка, а с другой находятся пять человек, все так же (как и в первой дилемме) привязанных к путям. На мосту недалеко от вас и ровно над путями за происходящим наблюдает очень толстый человек. Вы понимаете, что если столкнуть его вниз, то он погибнет, но своим весом сможет остановить вагонетку – и это спасет пятерых привязанных людей. При этом вам самому прыгать на пути бессмысленно: у вас не такой вес, чтобы остановить вагонетку. Должны ли вы столкнуть «толстяка»? Подавляющее большинство опрошенных по поводу второй дилеммы дают ответ ровно противоположный ответу на первую «дилемму переключателя». Исследования Грина демонстрируют, что 69% опрошенных считают неправильным сталкивать «толстяка» на пути [Ibid., 215].

Почему же люди так по-разному реагируют на похожие дилеммы? Грин решил найти и изучить те *моральные интуиции*, которые диктуют людям тот или иной ответ. В конце XX в. возможности современной нейронауки позволили исследовать мозг человека и понять, как мы реагируем на те или иные внешние раздражители, в том числе и на моральные дилеммы. Грин вместе с Даниэлем Канеманом [Канеман, 2019] и Джонатаном Хайдтом [Haidt, 2001] был одним из пионеров в новой области. Многочисленные исследования Грина и его коллег привели к тому, что ученый смог установить, как в случае моральных дилемм работает человеческий мозг и какими факторами могут быть вызваны его реакции.

Два типа морального мышления

В ходе исследований с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (fMRI) Грин с коллегами установили, что за интуитивную моральную реакцию в случае «дилеммы переключателя» преимущественно ответственен участок мозга, называемый дорсолатеральная префронтальная кора (dlPFC), в то время как за реакцию на «дилемму пешеходного моста» ответственна вентромедиальная префронтальная кора (vmPFC), а также участок мозга, называемый миндалевидное тело. В дальнейшем Грин установил, что это связано с эволюционными обстоятельствами развития homo sapiens. Обе реакции помогали человеку выжить как виду в течение миллионов лет эволюции. Когда речь идет о мгновенных реакциях, соответствующая часть мозга автоматически реагирует таким образом, чтобы не допустить причинение

вреда другому представителю вида в ходе непосредственного физического контакта. Эта реакция создает возможность для столь важной для выживания кооперации между людьми. Контактное насилие между людьми не редкость и, с точки зрения Грина, в нас природой заложен механизм, призванный минимизировать это насилие. Именно поэтому у испытуемых такое резкое неприятие вызывает необходимость толкнуть «толстяка». Если же эволюционный механизм контроля не включается и есть возможность минимально оценить ситуацию посредством использования когнитивных навыков, то задействуются другие участки мозга и вывод будет иным. Этот процесс мы можем увидеть в реакции испытуемых при «дилемме переключателя». Итогом данных исследований стала теория, позже получившая название «дуальная модель человеческой психики» или «теория двойного процесса» (dual-processes), оказавшая большое влияние на моральную философию начала XXI в. [Бажанов, Шабалкина, 2017, 68–69].

Влияние открытия Грина на философию морали важно, потому что фактически он замахнулся на то, чтобы разрубить узел противоречий, существующий не одно столетие между основными нормативно-этическими подходами – деонтологической этикой и утилитаризмом. Ведь реакция человека в случае «дилеммы переключателя» может служить обоснованием интуитивной верности утилитаристской этики, в которой ключевым вопросом являются последствия поступка, в то время как «дилемма пешеходного моста» подтверждает правоту деонтологии – этики, для которой моральное качество поступка задают иные факторы. Очевидно, что дискуссия, существующая между важнейшими философскими школами, не может быть объяснена столь примитивным образом, но обсуждение этого вопроса не является целью настоящей статьи. Важно, что Грин своими исследованиями обозначил несколько важных идей. Во-первых, что мораль имеет эволюционное происхождение. И хотя теория Грина далеко не первая и не единственная в своем роде, тем не менее она стала одной из важнейших для продолжающейся дискуссии об основаниях морали. Во-вторых, Грин показал, что и деонтологические, и утилитаристские подходы к решению моральных дилемм естественным образом одновременно сосуществуют в каждом индивиде, и их применение зависит от ситуации, в которой он оказался. В-третьих, сравнивая ситуации, в которых проявляется та или иная нормативная этика, Грин доказывал, что деонтологические правила являются скорее автоматическими и фундированными эмоционально, в то время как утилитаризм – это рациональная реакция на проблемы насилия и вреда, сложившаяся на уровне когнитивных способностей человеческого мозга.

Очевидно, что такая теория, подтвержденная эмпирическими исследованиями, не могла не произвести фурор не только в науке, но и в философской среде. Вокруг концепции Грина возникло много различных дискуссий, связанных с корректностью полученных им выводов. И в настоящее время нельзя сказать, что трактовка работы человеческого мозга, данная Грином в его концепции «двойного процесса», может претендовать на монопольное лидерство в науке. Среди других концепций, основанных на схожих исследованиях мозга, но делающих иные выводы относительно общих принципов работы человеческой психики, в том числе и в отношении морали, стоит выделить работы

упомянутого выше Хайдта, его «Теорию моральных оснований» [Haidt, 2007; Haidt, 2012], а также «Универсальную моральную грамматику», разработанную Марком Хаузером и Джоном Михаилом совместно с коллегами [Hauser et al., 2007]. Кроме того, отдельного упоминания заслуживает работа российских ученых-психологов Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой, которые провели исследования, позволяющие опровергнуть некоторые выводы дуальной модели психики Грина [Александров, Арутюнова, 2019; см. также: Прокофьев, 2024]. Но в настоящей статье основным вопросом является не достоверность эмпирических исследований Грина, а те выводы, которые исследователь сделал в области нормативной философии на основании проведенных им исследований.

Изначально Грин не обосновывал какой-либо версии нормативной этической теории по итогам своих эмпирических исследований [Бельский, 2020, 128], тем не менее позже, в работе «Моральные племена: эмоции, разум и разрыв между нами и ими», исследователь сформулировал оригинальную нормативную концепцию, названную им «глубокий прагматизм», которую, по сути, можно считать очередной итерацией утилитаристского этического подхода. Основные усилия Грина направлены на интерпретацию результатов эмпирических (дескриптивных) исследований, однако в качестве создателя нормативной (прескриптивной) концепции он также заслуживает внимания и критического анализа.

В следующих разделах мы, во-первых, сосредоточимся на кратком описании основных положений концепции «глубокого прагматизма» – и прежде всего на идее «счастья», которой Грин уделяет сравнительно много внимания. В завершающем разделе мы обратимся к более масштабным вопросам: а) какие задачи эмпирические исследования Грина ставят перед философией морали (если окажется, что они верны, как и сформулированная на их основе дуальная модель психики), б) какие пути решения этих проблем могут быть выбраны?

Раздел 2.

Концепция «глубокого прагматизма» Джошуа Грина и ее критика

«Глубокий прагматизм» как новый утилитаризм

Грин придерживается умеренной версии утилитаризма, которая учитывает критику и возможные риски данной нормативной программы. Грин также подчеркивает, что его этическая и политико-философская концепция не предполагает постоянных расчетов максимизации блага. Отсутствует какой-то утопический идеал, а любые недемократические политические проекты, которые требуют жертв во имя общего блага, не допускаются. Грин не объясняет, на каком основании делает такой вывод, но можно увидеть некоторые отсылки к тому, что в итоге такие проекты, по мнению Грина, попросту неэффективны: «...все, что мы знаем об истории и природе человека, говорит о том, что это плохая идея. Вместо этого, похоже, нам лучше придерживаться представи-

тельной демократии в сочетании со свободной прессой и общедоступным образованием...» [Greene, 2013, 169]. Грин называет свой утилитаризм «глубоким прагматизмом», так как он представляет собой прежде всего *способ принятия эффективных прагматичных решений в сложных ситуациях* социальной коммуникации, а не является утопией.

Для критики «глубокого прагматизма» логично использовать ключевые аргументы, которые обычно высказываются в адрес утилитаризма. Объем и задачи данной статьи не позволяют сделать это в полной мере. Кроме того, как уже было отмечено, сам Грин не формулирует всестороннюю утилитарную концепцию, поэтому сосредоточимся только на тех вопросах, которые он специально обозначил в своей работе и которые, по нашему мнению, уязвимы для критики. Именно таков характерный для любой версии утилитаризма вопрос конечного блага (пользы). У Грина оно определяется через категорию счастья.

Что такое счастье?

Философские поиски того, что же такое счастье и как его достигнуть, осуществляются уже в глубокой древности. Этику, опирающуюся на поиск счастья, принято называть *эвдемонистической и/или телеологической*. На сегодняшний день вопросу *счастья* уделяется особое внимание в одной из магистральных этических школ, называемой «этикой добродетели». Одним из принципиальных вопросов как для специалистов по античной философии, так и для представителей этики добродетели является вопрос о правильном понимании и переводе в том числе на английский язык аристотелевского понятия «эвдемония». Самые популярные варианты: «счастье» (happiness) или «процветание» (flourishing). Сложности с применением этих понятий демонстрирует философ Розалинд Херстхаус, которая указывает, что «процветание», хотя и приближает нас к объективности оценок, возможно не только у людей, но и у любых других живых существ, в то время как «счастье» оказывается субъективной категорией. *Это мне, а не вам решать, счастлива ли я* [Hursthouse, 2022]. В концепции Грина, на наш взгляд, не решены именно эти вопросы, вопросы, связанные с объективной ценностью и субъективной оценкой состояний человека.

Начнем с первого. Грин полагает, что счастье – «это общее качество... жизненного опыта» [Greene, 2013, 160]. Все остальное в жизни должно быть подчинено расширению жизненного опыта. Например, Грин указывает, что, согласно утилитаризму, вещи обладают ценностью «потому и только потому, что они влияют на наш опыт. Если вычесть из них их положительное влияние на опыт, то их ценность теряется» [Ibid.]. И то, что не влияет на опыт, не обладает значением. Грин предлагает некоторые пояснения, которые дают понять, что это именно положительный опыт: «...утилитаристская концепция счастья очень широка и включает в себя все *положительные аспекты жизненного опыта*, а также *устранение негативных аспектов*» (курсив мой. – Д.Б.) [Ibid., 161].

Но такое понимание счастья очень скудно и может вызвать многочисленные вопросы, ведь понятие опыта может быть очень широким. К примеру, нужно ли человеку за свою жизнь трижды выйти замуж/жениться ради увеличения жизненного опыта? Стоит ли сменить десять разных профессий? Пять разных мест жительства? Дважды полностью сменить всех своих друзей и попробовать посетить все 195 стран мира? Приведенные примеры вполне можно интерпретировать как *положительные аспекты жизненного опыта*. Но стоит ли пытаться прожить жизнь таким образом? На этот счет возникают большие сомнения. Нерешенным остается и вопрос ценности такого «широкого» жизненного опыта в условиях существующих ресурсных и временных ограничений человеческой жизни.

Далее перейдем к вопросу об *оценке счастья с позиции субъекта*. Чтобы лучше разобраться, о чем идет речь, можно воспользоваться мысленным экспериментом, предложенным Робертом Нозиком и известным как «машина удовольствий» [Кимлика, 2010, 31].

Суть эксперимента заключается в следующем. Представим себе, что ученые разработали такую машину, которая подключается к человеческому мозгу и вводит специальные наркотические вещества, и они вызывают состояния сознания, наполненные максимальными удовольствиями. Если верна утилитаристская концепция, основанная исключительно на субъективном удовольствии, то все люди на земле мечтали бы о подключении к такой машине, тем более, если бы она позволяла быть к ней подключенным на протяжении всей жизни и постоянно синтезировать чувство «счастья». Это стало бы и идеалом реализации «гедонистической» утилитаристской программы. Причем такая гипотетическая машина удовольствий могла бы создавать как максимально интенсивные удовольствия, так и ощущения от всех ценных и стоящих переживаний, испытываемых человеком (как во втором случае подсчета всех «стоящих», а не только «приятных» удовольствий) [Нозик, 2016, 68–69].

Для того чтобы встроить это рассуждение в контекст анализа «глубокого прагматизма», нужно предположить, что такая машина генерирует бесчисленные состояния *положительного человеческого опыта*.

Несмотря на то, что однозначный ответ на основной вопрос данного мысленного эксперимента дать нельзя, тем не менее Нозик указывает на то, что большинство не согласится на подключение к этой машине, так как для человека крайне важно осознание свободы выбора. В нашем случае можно сказать, что само осознание *свободы выбора важно для того, чтобы быть счастливым*.

Здесь можно столкнуться сразу с несколькими значительными проблемами. Во-первых, с феноменом субъективных «адаптивных предпочтений», в радикальном изводе известном как феномен «довольного раба». Человек склонен приспособливаться к окружающей обстановке, и можно представить себе индивида, который является внутренне (по самоощущению) счастливым, но если дать *внешнюю* оценку положению этого человека, то *качество жизненного опыта* неизбежно покажется нам неудовлетворительным. Можно ли в такой ситуации говорить о том, что с точки зрения утилитаристской логики правильным будет вывести индивида из так называемого состояния «довольного раба»

и показать, что с точки зрения качества своего опыта он должен быть глубоко несчастным по *объективным* критериям?

Аналогичную ситуацию можно рассмотреть на другом примере. Возможности человека могут быть не ограничены какими-то внешними факторами, а просто не использоваться по принципиальным соображениям. Крайне аскетичное существование порой бывает результатом свободного и сознательно-го выбора. Амартия Сен, создатель «подхода возможностей» (*capability approach*) – теории, родственной утилитаризму, но гораздо более чувствительной к свободе выбора индивида, предлагает в этой связи сравнить положение двух разных людей, недоедающих и испытывающих постоянное чувство голода. Но в одном случае человек голодает по религиозным причинам, а во-втором – в силу бедности и лишений [Сен, 2016, 311]. Очевидно, что ситуации диаметрально противоположны, и в первом случае человек может быть *счастливым*, в отличие от второго. Исходя из изложенного, стоит задать вопрос: может ли объявивший пост монах, живущий аскетично в скиту, быть счастливым с точки зрения теории Грина?

Если развивать идею обязательной связи свободы выбора и счастья, стоит рассмотреть еще один вопрос. Допустим, что выбор играет принципиальную роль для достижения счастья. Как в этом случае следует учитывать то обстоятельство, что неправильно сделанный выбор может привести к катастрофическим последствиям в будущем. Различные факторы: от отсутствия полноты информации в момент выбора до нерационального, но являющегося глубоко укорененной чертой личности отношения к риску – с необходимостью ведут к тому, что из-за своих ошибок многие люди станут несчастными. Как в этих условиях максимизировать счастье с точки зрения «глубокого прагматизма» Грина? В данном случае гораздо более чувствительной теорией с точки зрения понятия блага может быть уже упомянутая теория Сена, стремящаяся сочетать в себе объективные и субъективные стороны при оценке конечного блага и максимизировать «*возможности*» (*capabilities*), а не «*опыт*», как это делает Грин.

Мы рассмотрели частный вопрос, который, однако, может иметь принципиальное значение для устойчивости нормативной концепции «глубокого прагматизма». Это далеко не единственное слабое место теории Грина, но на этом примере мы продемонстрировали уязвимость его нормативной теории. В следующем разделе мы рассмотрим более масштабный вопрос, касающийся основных универсалистских подходов в этике: деонтологии и утилитаризма, для которых эмпирические исследования и последующая концепция дуальной модели психики стали настоящим вызовом, но сначала обозначим сложность перехода из дескриптивного суждения к прескриптивному, с которой сталкивается концепция «глубокого прагматизма».

Раздел 3. Вызовы, которые эволюционная теория Грина ставит перед философией морали

«Гильотина Юма»

Одной из тех проблем, осознание которых побудило Грина к разработке нормативной концепции и отказу от представления об эволюционно обусловленных интуициях, стал *трайбализм*, связанный с «автоматической» системой моральных интуиций – системой первого, «деонтологического», уровня. «Автоматическая» система моральных интуиций, с одной стороны, позволила человеку выжить, снизив внутригрупповое насилие до приемлемого уровня, но, с другой – до сих пор не позволяет людям воспринимать *чужаков* как заслуживающих эмпатии. В современном мире трайбализм – это источник войн и различных форм исключаящего поведения, которое порождает огромное количество проблем и несчастий. С этими интуициями, по мнению Грина, и стоит работать. И для этого можно использовать адаптивный второй уровень моральных реакций. Грин полагает, что наилучшей основой для такой работы является утилитаристская этическая программа, являющаяся наиболее аутентичным выражением второго уровня. И хотя исследователь прямо не указывает на то, что утилитаристские решения вытекают из эмпирических исследований, тем не менее косвенно это подразумевает:

По-видимому, существует связь между ручным режимом мышления (*manual-mode thinking*) и *утилитаристским* мышлением. В ответ на «*дилемму пешеходного моста*» и другие подобные проблемы ручной режим советует нам максимально увеличить число спасенных жизней, в то время как наши внутренние реакции подсказывают нам поступать наоборот. Участки мозга, отвечающие за утилитаристский ответ, в первую очередь *dIPFC*, – это те же участки мозга, которые позволяют нам гибко вести себя в других областях – например, придерживаться диеты и быть менее расистскими. А те части мозга, которые работают против утилитарного решения моральных дилемм, в первую очередь миндалевидное тело и *vmPFC*, – это те части мозга, которые с повышенной бдительностью реагируют на такие вещи, как выражение лиц у посторонних членов группы. *Это не доказывает, что утилитаристское мышление правильно или что неутилитаристское мышление неправильно... Тем не менее это замечательная конвергенция* (курсив мой. – Д.Б.) [Greene, 2013, 172–173].

В контексте данной «конвергенции» принципиальным является один важный момент, который потерян в работе Грина, хотя, по сути, является ключевым для взаимодействия между нейронаукой и философской этикой. В XVIII в. шотландским философом Давидом Юмом был сформулирован важнейший принцип, впоследствии получивший название «*гильотина Юма*» [Юм, 1995, 229–230]. Суть данного принципа заключается в том, что невозможно вывести моральные (прескриптивные) суждения из неморальных (дескриптивных). И хотя данный принцип в XX в. был объектом неустанной критики, тем не менее сегодня можно говорить, что убедительного опровержения он пока

не получил [Максимов, 2012]. Концепция Грина, рассмотренная нами выше, – это великолепный пример дескриптивного исследования моральных интуиций человека, сложившихся эволюционно и в результате опыта.

Переход к утилитаризму как нормативному основанию для решения ключевых проблем человеческого общества, как к всеобъемлющей прескриптивной теории, никак или почти никак не связан дескриптивными исследованиями Грина. И хотя, как было сказано выше, Грин прямо не выводит нормативные требования из дескриптивных исследований, но и четкую границу между дескриптивными исследованиями и обоснованием утилитаризма не проводит. По мнению автора настоящей статьи, это создало у массового читателя иллюзию окончательного «научного» решения одного из сложнейших этических вопросов, что на самом деле не соответствует истине.

При этом нельзя сказать, что, актуализировав в своем рассуждении проблему «гильотины Юма», мы уберегли существующие нормативные концепции от критики Грина. Эволюционное объяснение морали одинаково хорошо работает на разрушение как деонтологических теорий, так и утилитаристских. По сути, сама природа, причем случайным образом – в ходе адаптации к реалиям существования *homo sapiens*, устанавливает для нас правила. Поскольку современные люди не стремятся отдавать вопросы этики на усмотрение слепой эволюции, очевидно, что формулированием той или иной теории все же придется заниматься – правда, уже с учетом сильного давления эволюционистской критики, в том числе использующей концепцию дуальной психики Грина. И это сильно усложняет задачу этической теории.

Для моральных релятивистов или моральных скептиков, которые связывают существующие этические нормы исключительно с потребностями культурных сообществ и не допускают существования универсального содержания морали, открытия Грина не представляют большой проблемы. Для универсалистов же это серьезный вызов, требующий убедительного ответа. Одна из возможных реакций, позволяющих не только принять выводы, полученные нейроучеными, но и сохранить универсальную нормативную теорию, содержится в работах утилитаристов Питера Сингера и Катаржины де Лазари-Радек [Lazari-Radek, Singer, 2012]. Философы воспользовались наработками представителя классического утилитаризма Генри Сиджвика и его известной концепцией взгляда с «точки зрения вселенной» (*the point of view of the universe*). Сингер и Лазари-Радек отмечали, что выявление моральной истины, не связанной с нашей эволюционной природой, «подобно нашей способности к высшей математике, наиболее правдоподобно можно объяснить как результат нашей способности рассуждать (*capacity to reason*)» [Ibid., 26]. Причем, как и в математике, которая для всех людей универсальна, моральные требования (оторванные от эволюционного процесса) приводят к практически одинаковым правилам во всех культурах в разные исторические периоды: «Ведущие мыслители различных традиций независимо друг от друга пришли к сходному принципу и рассматривали его как сущность морали (*essence of morality*). В дополнение к хорошо известным иудейской и христианской версиям *Золотого правила*, мы находим сходные идеи в конфуцианской, индуистской и буддийской традициях» [Ibid., 25–26].

Ссылка на «Золотое правило» позволяет предположить, что утилитаристы фактически приблизились к максимам деонтологической этики. Но здесь есть важное отличие: из универсальных правил, с точки зрения Сингера и Лазари-Радек, следует убрать требования, устанавливающие пристрастное, предпочтительное отношение к членам собственной группы, которые имеют не разумную, а эволюционно-историческую природу и не позволяют относиться ко всем людям с одинаковой степенью заботы. Это тот самый трайбализм, который Грин рассматривал как ключевую проблему современности, не позволяющую полагаться на наши автоматические этические реакции (близкие деонтологической этике): «Моральные принципы нашего разума (our moral brains), которые достаточно хорошо справляются с обеспечением сотрудничества внутри групп (“Я” против “Мы”), далеко не так хороши в обеспечении сотрудничества между группами (“Мы” против “Они”)» [Green, 2013, 148].

Сингер и Лазари-Радек предложили концепцию, которая, как им кажется, имеет наилучшее обоснование. Они полагают, что хотя приведенные ими аргументы «не доказывают, что она является самостоятельной (substantive) нормативной истиной», однако они достаточны для того, чтобы считать ее «обоснованной, по крайней мере, до тех пор, пока не будет предложено лучшее объяснение» [Lazari-Radek, Singer, 2012, 26]. Но, по нашему мнению, Сингер и Лазари-Радек не сняли эволюционистскую критику, а всего лишь остановились на комфортной для них позиции. К примеру, основные нормативные утверждения, которые принимают утилитаристы, такие как *страдание есть зло, гибель многих индивидов хуже гибели одного и т.д.*, также могут быть интерпретированы как производные от изначально заложенной в нас эволюцией программы. Как подчеркивает А.В. Прокофьев: «...само представление о том, что зло – это именно страдание, является эволюционно предзаданным, равно как и представление о том, что “гибель пяти человек хуже гибели одного”» (это, по сути, закон выживания малых групп)» [Прокофьев, 2022, 32; см.: Kahane, 2011].

Заключение

Подводя итог, следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, по нашему мнению, эмпирические исследования Грина внесли огромный вклад в современное знание о человеке, фактически совершив революцию как непосредственно в науке, так и в философии, на которую открытия Грина оказали прямое влияние. И хотя автор настоящей статьи не может утверждать истинность концепции дуальной модели психики, разработанной Грином, и, как уже было указано, существуют другие, отличные от гриновской, концепции, тем не менее влияние исследований Грина велико и не принимать их во внимание, пока не будет дано окончательное опровержение, нельзя.

Во-вторых, нормативная концепция «глубокого прагматизма», сформулированная Грином, имеет ряд существенных изъянов. Грин отдельно не рассмотрел сложный вопрос перехода от дескриптивных эмпирических исследований к нормативной концепции «глубокого прагматизма», чем мог породить

у неподготовленного читателя ощущение обоснованности не только моральных интуиций, но и утилитаристской философской программы. В части обоснования концепция «глубокого прагматизма» не только не решает основные вопросы утилитаристской этики, но и уступает таким современным утилитаристским или квазиутилитаристским концепциям, как «эффективный альтруизм» [Макаскилл, 2018; Сингер, 2018] и «подход возможностей» Сена [Сен, 2004; Сен, 2016].

В-третьих, несмотря на сложности «глубокого прагматизма» как нормативной теории, концепция дуальной модели психики (эволюционная, по сути) стала существенным вызовом для главных универсалистских этических программ: деонтологии и утилитаризма. Несмотря на то, что современные философы активно пытаются решить поставленный вызов, что было нами продемонстрировано на примере Сингера и де Лазари-Радек, говорить об успехе преждевременно.

“Trolleyology”, “Moral Intuitions” and the Attempt to Justify the Utilitarianism by Joshua Greene

Dmitry V. Balashov

National Research University Higher School of Economics (HSE University). 20 Myasnitckaya str., Moscow, Russian Federation, 101000.

ORCID 0000-0001-9427-2039

e-mail: dbalashov@hse.ru

One of the most prominent research tools characteristic of the analytical Anglo-American moral philosophy of the second half of the 20th – early 21st centuries was the method of thought experiment. These experiments allow us to figuratively formulate key issues of philosophical ethics. On the one hand, this increased interest in fundamental philosophical questions, and, on the other hand, it stimulated many philosophers to address these thought experiments, which have become known as “moral dilemmas”. Some of these dilemmas reflect the complexity of key philosophical ethical issues and still have no clear solutions. A striking example of this is the experiment known as the “trolley problem”. At the end of the 20th century, the possibilities for studying the human brain expanded significantly. This allowed scientists in the field of neuroscience to explore, among other things, how the brain responds to moral dilemmas. Joshua Green was a pioneer in this area. His innovative research revealed how the human brain responds to moral challenges. He called these responses “moral intuitions”. Green also discovered that the brain reacts to moral dilemmas in two ways: automatically, following an evolutionary program, and rationally at a more complex level. It was the second level of rational thinking, similar to utilitarianism, that Green proposed as the basis for a normative concept which he called “deep pragmatism”. It would be correct to assert that “deep pragmatism” is a new attempt to justify utilitarianism. This article examines the main provisions of Green’s theory of “moral intuitions”, the concept of “deep pragmatism”, as well as outlines areas of criticism against the concept of “deep pragmatism” and identifies problems that Green’s research raises for moral philosophy in general.

Keywords: utilitarianism, thought experiment, “Trolley Problem”, moral intuitions, deep pragmatism, “Hume’s Guillotine”

Литература / References

Александров Ю.И., Арутюнова К.Р. Мораль и субъективный опыт. М.: Институт психологии РАН, 2019.

Aleksandrov, Yu.I., Arutyunova, K.R. *Moral’ i sub’ektivnyi opyt* [Morality and Subjective Experience]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2019. (In Russian)

Бажанов В.А., Шабалкина Е.Е. Проблема поиска нейрофизиологических оснований морали: нейротика // Философские науки. 2017. № 6. С. 64–79.

Bazhanov, V.A., Shabalkina, E.E. “*Problema poiska nejrofiziologicheskikh osnovanij morali: nejroetika*” [The problem of Quest for the Neurophysiological Foundations of Morality: Neuroethics], *Filosofskie nauki*, 2017, No. 6, pp. 64–79. (In Russian)

Бельский И.С. «Нейронаучный поворот» и эксперименты Дж. Грина: этико-антропологические импликации // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1 (28). С. 123–129.

Belski, I.S. “*Nejronauchnyj povorot’ i eksperimenty Dzh. Grina: etiko-antropologicheskie implikacii*” [The “Neuroscientific Turn” and J. Greene’s Experiments: Ethical and Anthropological Implications], *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 2020, No. 1 (28), pp. 123–129. (In Russian)

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. М.: АСТ, 2019.

Kaneman, D. *Dumaj medlenno... reshaj bistro* [Thinking, Fast and Slow], trans. by A. Andreev, Ju. Deglina, N. Parfenova. Moscow: AST Publ., 2019. (In Russian)

Кимлика У. Современная политическая философия: введение / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

Kimlika, U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [Contemporary Political Philosophy. An Introduction], trans. by S. Moiseev. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej shkoly ekonomiki Publ., 2010. (In Russian)

Макаскилл У. Ум во благо. От добрых намерений – к эффективному альтруизму / Пер. с англ. А. Кузнецовой. М.: АСТ; CORPUS, 2018.

Makaskill, U. *Um vo blago. Ot dobryh namerenij – k effektivnomu al’truizmu* [Doing Good Better. How Effective Altruism Can Help You Make a Difference], trans. by A. Kuznetzova. Moscow: AST: CORPUS Publ., 2018. (In Russian)

Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этич. мысль / Ethical Thought. 2012. № 12. С. 124–142.

Maksimov, L.V. “*Gil’otina Yuma’: pro et contra*” [Hume’s Guillotine: Pro et Contra], *Eti-cheskaya mysl’ / Ethical Thought*, No. 12, pp. 124–142. (In Russian)

Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. М.: ИРИСЭН, Социум, 2016.

Nozick, R. *Anarhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia], trans. by B. Pinsker, eds. Ju. Kuznetzov, A. Kuryaev. Moscow: IRISEN, Socium Publ., 2016. (In Russian)

Прокофьев А.В. Эволюционно-психологическое разоблачение моральных принципов как этическая проблема // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 23–33.

Prokofyev A.V. “*Evolucionno-psihologicheskoe razoblachenie moral’nyh principov kak eticheskaya problema*” [The Evolutionary and Psychological Debunking of Moral Principles as an Ethical Problem], *Voprosy Filosofii*, 2022, Vol. 3, pp. 23–33. (In Russian)

Прокофьев А.В. О роли научных данных в нормативной этике (на примере проекта разоблачения деонтологических принципов) // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. С. 157–174.

Prokofyev, A.V. “O roli nauchnyh dannyh v normativnoj etike (na primere proekta razoblacheniya deontologicheskikh principov)” [On the Role of Scientific Evidence in Normative Ethics (the Case of the Debunking of Deontological Principles)], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, Vol. 61, No. 2, pp. 157–174. (In Russian)

Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послесл. Р.М. Нуреева. М.: Нов. изд-во, 2004.

Sen, A. *Razvitie kak Svoboda* [Development as Freedom], trans. and ed. by R.M. Nureev. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. (In Russian)

Сен А. Идея справедливости / Пер. с англ. Д. Кралечкина, под ред. В. Софронова, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Sen, A. *Ideya spravedlivosti* [The Idea of Justice], trans. by D. Kralechkin, eds. V. Sofronov, A. Smirnov. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara Publ., 2016 (In Russian)

Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти. Как покончить с бедностью во всем мире / Пер. с англ. Т. Эйдельман. М.: АНО Портал «Такие дела», 2018.

Singer, P. *Zhizn', kotoruyu vy mozhetе spasti. Kak pokonchit' s bednost'yu vo vsyom mire* [The Life You Can Save: How to Do Your Part to End World Poverty], trans. by T. Eidel'man. Moscow: ANO Portal “Takie dela” Publ., 2018. (In Russian)

Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Соч. в 2 т. Т. 1. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 53–655.

Hume, D. “Traktat o chelovecheskoj prirode” [A Treatise of Human Nature], trans. by S.I. Tzereteli, in: D. Hume, *Sochinenia* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl', 1996, pp. 53–655. (In Russian)

Greene, J. *Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap Between Us and Them*. New York: The Penguin Press, 2013.

Haidt, J. “The Emotional Dog and its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment”, *Psychological Review*, 2001, No. 108, pp. 814–834.

Haidt, J. “The New Synthesis in Moral Psychology”, *Science*, 2007, Vol. 316, No. 998, pp. 798–1002.

Haidt, J. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. New York: Pantheon Books, 2012.

Hauser, M., Cushman, F., Young, L., Kang-Xing Jin, R., Mikhail, J. “A Dissociation Between Moral Judgements and Justifications”, *Mind and Language*, 2007, Vol. 22, No. 1, pp. 1–21.

Hursthouse, R. “Virtue Etchics”, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, eds. E.N. Zalta, U. Nodelman. 2023 [<https://plato.stanford.edu/entries/ethics-virtue/>, accessed on 18.01.2025].

Kahane, G. “Evolutionary Debunking Arguments”, *Nous*, 2021, Vol. 45 (1), pp. 103–125.

Lazari-Radek, K., Singer, P. “The Objectivity of Ethics and the Unity of Practical Reason”, *Ethics*, 2012, Vol. 123 (1), pp. 9–31.